

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

МЕТРО 2035

**ЗА ЛЕДЯНЫМИ
ОБЛАКАМИ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М23

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя, запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление серии — *Павел Бондаренко*

Манасыпов, Дмитрий Юрьевич.

М23 Метро 2035: За ледяными облаками: [фантастический роман] /
Дмитрий Манасыпов. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
352 с. — (Вселенная метро 2035).

ISBN 978-5-17-108315-1

Выжившие в огненном аду битвы у мертвой реки, они ушли дальше.

Скрываясь и убегая от зверей в человеческом облике, не знали, что
встретят еще более страшных врагов.

Пятьсот километров сквозь пургу и буран, смерть и страх.

Посреди бескрайних пустых равнин, засыпанных снегом и покрытых
инеем, полных скрытой угрозы.

Между гулками мерзлыми стволами спящих ядерным снов деревьев,
прячущих новых хозяев.

Вдоль звенящей от мороза и злобы старой нитки железной дороги.

Дорога стали и надежды привела их сюда, на тропу страха и боли,
теряющуюся под сыпящим снегом.

Снегом, сковывающим все под низкими и злыми ледяными облаками.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108315-1

© Глуховский Д.А., 2018
© Манасыпов Д.Ю., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

*Раньше: Башкортостан, бывш. объект МО, в\ч ...
(координаты засекречены)*

— Что у нас сорока на хвосте принесла? Мм-м, да ты не пустая, моя милая птичка.

Птичка, переступив цепкими когтистыми лапами, повернула нижнюю, мыслящую голову, коротко каркнула. Подставила брюшко, кожистое, без оперения, сшитым плотным кармашком-футляром. Бумага, туго свернутая в трубочку, разворачивалась с трудом.

— Интересно...

Пальцы, нежно державшие тонкую кальку, пережившую Войну и Беду, пахли плохо. Так, что крылатая вестница, каркнув, подпрыгнула на месте, потешно поджав парные неразвитые лапки-крючья. Дернулась, стараясь оказаться подальше от рук и пальцев. Пальцы ЕЁ человека, отправлявшего сюда, тоже пахли неприятно. Но не страшно.

Сильные чистые руки с редкими пигментными пятнами на сухой льдисто-белой коже пахли многим. Смертью, болью, спиртом, кишками, кровью, табаком, сталью, дезинфекцией. Они смердели мельчайшими крохами кости, мозгового вещества, сукровицы и чужой кожи. Под выпуклыми, крепкими и острыми ногтями ничего не виднелось. Как и кожа, ногти всегда были чистыми. На это уходило много времени, но работа того требовала.

Вестница опасливо отступила еще немного. Сразу после шелеста полностью развернутого донесения.

— Как интересно... Котенок, иди сюда, послушай, что прислали нам из Кротовки. Ко мне, живо!

Черный круглый глаз мыслящей головы косился на тень, возникшую в коридоре. Голова рабочая обладала тремя глазами и даже крохотным четвертым сзади. Но это рабочая голова — здесь, внутри, она спала. А крохотная соседка жила за них обеих. И за большое тело, выращенное здесь два года назад.

Тень она знала. Эта тень частенько приходила в птичник, крала из клеток яйца и пила. Иногда вытаскивала из инкубатора птенцов и ела сырыми. Жадная и всегда голодная. Хозяин тени, покрытый серым пухом, ей во всем потакал, наедаясь до отвала при любой возможности. Вестница помнила, как мягкие ловкие пальцы со спрятанными в подушечках коготками чуть не цапали ее. Тогда еще птенца-подростка. Тень и ее хозяин пугали. Но не так, как человек, державший бумагу.

— Какие интересные события творятся в мире. Помнишь, Кротовку захватили те личности, пришедшие с Бузулука. Военные, Котенок. С танком? С танком, да. Я, как всегда, был прав, когда нашел того человека. Из этого... Ордена. Стоило ожидать, ведь войсковых соединений в Оренбуржье всегда хватало. А уж закрытых полигонов — тем более. Так, что дальше? Письмо позавчерашнее, наша птичка задержалась. Нехорошая птица...

Вестница каркнула, подпрыгнув и желая улететь. Тонкая цепь, пристегнутая к кольцу на лапе, не дала. Натянувшись, бросила ее на полку. Это движение пальцем, это «а-я-я-я-й» мыслящая голова помнила. После него многие сестры умирали.

— Она понимает, — мурлыкнула пушистая тень, — понимает...

— Конечно, понимает, глупое ты создание. Я же не просто какой-то там биолог-исследователь. Кто я, Котенок?

— Вы гений, хозяин.

— Пакость... — Сильные белые пальцы взяли за мягкое вытянутое ухо, скрутили. Пушистая тень жалобно мяукнула. — Ты позволяешь себе сомневаться во мне, мерзкая мохнатая гадина?

— Нет, хозяин, нет...

Пальцы брезгливо стряхнули волосы.

— Слушай дальше, мелкая дрянь. Наш человек сообщает о походе в сторону Отрадного. В погоне за весьма интересной особью. Ты понимаешь? Ба... да ее ищут и со стороны Новой Уфы. Эти чертовы коммуны. Хм... все становится совсем интересно. Ей интересуется этот чертов мутант по имени Мастер... Мастер, тоже мне. Урод, зазнавшееся как бы божество, чертов мутант... Живущий в мерзости и смердящий собственной гнилью... и называющий себя так пафосно... Мастер...

Котенок, глядящий ноющее ухо, откровенно хотел удрать. Так же, как и вестница. Но они оба боялись человека с сильными пальцами, пахнущими смертью. Хозяина.

— Девочка с талантом. Девочка, умеющая, возможно, многое. Или пустышка вроде тебя, Котенок. Не шипи, ты мне все равно дорого, маленькое гадостное чудовище. Итак, что мы имеем?

Он прошел к своему столу. Большому, чистому, лишь с рабочим журналом, аквариумом с мерзкой шипастой маленькой рыбкой и подложкой для записей. Сел в удобное кресло, усмехнулся.

— Птичка задержалась. На два дня. Вторая, переданная с ней же в Кротовке, не вернулась. Скорее всего, Котенок, наш человечек умер. И что мы имеем? Немало. Точку отправления и точку назначения. Отрадный и Дёма. Сколько у нас дорог? Котенок, я накажу тебя. Почему при слове «дороги» карта еще не развернута?

Котенок кинулся к стене напротив, разворачивая карту. Включил две большие лампы, освещая ее. Хозяин откинулся в кресле. Блеснули стекла очков. Вестница, переставшая пытаться разорвать цепочку, каркнула.

— Котенок, надень нашему питомцу удержалку. Мне надо рассуждать.

Вестница, безуспешно пытаясь разбудить рабочую голову, подпрыгнула. Котенок поймал ее, выпущенные когти вцепились в грудь, вырывая перья. Плотная резина обхватила клювы, оба, стянула. Вестница мотала головой, пытаясь освободиться. Котенок, сильно сжав оба крыла у основания, крутанул их против часовой. Хрустнуло, вестница упала, постукивая головой по полке.

— Ты злобная тварь... нельзя просто убить несчастное создание?

— Я люблю-у-у есть живы-ы-ыми-и-и, хозяин.

— Глупость какая-то. Хорошо. Не забудь потом отстирать комбинезон и принять антигельминтный препарат. Так, посмотрим. Котенок, скажи мне, хотя... что я... скажи... На выбор — несколько путей. Если от Отрадного двинуться к Дёме, то главная цель — это Абдулино. Хотя даже попадание туда не пугает беглецов от погони. Майор Войновская, как понимаю, относится к своей задаче серьезно. И остановить ее сможет только гарнизон коммунистов. А он в Белебее. То есть у наших ребят впереди триста километров.

Котенок, сидя у спрятанного в стене чугунного радиатора, заинтересованно муркнул. Он очень любил, когда перед беглецами триста километров. Тогда на них можно поохотиться. Если Хозяин разрешит.

— Что? Ты заинтересовался, мое кровожадное, безмозглое чудовище? И откуда ты свалился на мою голову? Триста километров и несколько вариантов пути. Рассмотрим все по порядку.

Трасса «М-пять». Не надо откидывать такой вариант, Котенок. Им всего лишь надо дойти до Красного Яра или Серноводска, и все... дальше прямо по ней. Вдоль нее много опасностей, но там не заблудишься. И есть поселения.

Железная дорога. Длиннее, путанее, но надежнее. Вдоль нее можно добраться до коммунистов и их гарнизона, в отличие от трассы. По трассе же наши путники доберутся только до перекрестка между Октябрьским и Белебеем. И...

Котенок, чуть не задремав, вскинулся.

Пальцы барабанили по столу ритм. Рваный и злой. Шерсть мутанта встала дыбом. Хорошего ждать не стоило.

— Быстро за Борменталем, — хозяин достал из ящика стола тяжелую стеклянную бутылку. — Одна нога здесь, остальные — там. Стоять!

Мутант остановился. Слушать и слушаться. Не задумываясь выполнять все. Только так можно выжить здесь, в доме Хозяина.

— Ласку, Проводника, Бледного, Ча, Миноса и Блэкджека. Их тоже.

Котенок понесся по едва освещенному коридору. Мимо стальных дверей, хранящих секреты, пахнувших лекарствами, металлом, смертью и болью. По выщербленным временем плиткам пола, с бесчисленными следами от каталок и ногтей с когтями. Хозяин не захотел просто поднять трубку телефона или нажать на кнопку срочного вызова. Ему нравилось гонять Котенка. Но тот не спорил, себе дороже.

— Так... — Хозяин отхлебнул марочного коньяка. «Арарат» заканчивался, но он знал, что его найдут и принесут. Есть что просить у него, валяясь в ногах и выполняя любое требование или приказ. Просьб не было. Он никогда не просил чего-либо у своих слуг. Не заслуживали.

— Так, — говорить с самим собой давно стало привычкой, — что мы имеем еще? Донесения от санитара из Новой Уфы. О чем? О чем, о чем, о важном. Мозаика складывается прекрасная. Ближайшая доверенная Дармова, старший лейтенант Уколова, отбыла в неизвестном направлении. И перед этим санитары привезли из Чишмов сталкера Пулю. Нашего хорошего знакомого, Котенок, Пулю. А, ты ушел... и ладно. А наш человек в Ордене сообщил о том, что девушку могут встречать из Уфы. Полагаю, что это и есть Пуля и Уколова. Уже плюс.

Ах, да. Еще один путь. Практически прямой. В обход обитаемых мест и дорог. На Приютово. Да, так и есть. Хорошо... Не испачкайте ковер, олухи!

Вестница, слабо трепыхающаяся на полке, повернула голову к новым теням и отбрасывающим их людям. Вернее, не людям. Таким же, как она, странно изменившимся в Беду организмам, пусть и прямоходящим.

Котенок перепрыгнул через хозяйский ковер, его гордость, настоящий туркестанский, узорчатый. Прижался к горячему чугуну, устроившись удобнее. Рядом со своими братьями он стоять не хотел. И терпеть их не мог. Кроме Ласки. Ее Котенок любил.

Гибкая и невысокая, в темном комбинезоне, в свитере с высоким горлом. До плеч остриженные рыжие волосы с белыми прядями. Узкое тонкое лицо с черными глазами практически без радужки. «Грачи» с тройкой ножей на поясе и бедрах. Его подружка, Ласка, такая же хищная, как ее четвероногие тезки.

На остальных Котенок своего внимания не тратил. Не заслуживают. И он даже развернулся к ним тем местом, где у нормальных кошачьих есть хвост. А вот к ней повернулся лицом, умудрившись скрутиться чуть ли не в баранку.

— Вы звали, профессор? — Борменталь, как всегда в лабораторном костюме, позевывал. На дворе стояла ночь.

— Надо полагать, дорогой ассистент, что да... Раз уж вы здесь. Все в сборе? Все. Борменталь, подготовьте птенцов. На каждого из этой группы.

Вестница, никак не желающая умирать, тихо дышала на полке. Мыслящая голова, всматриваясь в высокие фигуры, еле заметно приоткрывала клюв.

Самое плохое, что мир мог сделать со своими детьми после Войны, случилось. У каждого по-разному. Для гнездовья ворон, живших у Кумертау, личное горе стало общественным.

Вестница за свою недолгую жизнь вдоволь наглоталась ветра и воздуха. Ее крылья рассекали серые тучи у Оренбурга, рвали сизые туманы у Волги, уносили прочь от огромных сородичей, желавших ею перекусить, повсюду, от Самары до Новой Уфы. И вестница всегда возвращалась.

Беда изменила ее стаю бездумно и походя, лишь задев самым краем своего аспидно-черного плаща. Погибла большая часть ворон, а оставшиеся стали другими. Таких, как она, с двумя головами, мыслящей и рабочей, оказалась половина. Все — самки. Самцы остались сами собой.

Каждое гнездо рождало по три-пять птенцов. Одного ворона и вестниц. И вестницы всегда возвращались к своим сестрам, ведомые внутренним маяком. Благословение и проклятье. Хозяин нашел их быстро. И забрал нескольких, остальные прилетели сами.

Только птичник, только разведка, только полеты с письмами к агентам Хозяина, живущим в разных уголках ближайших областей. Смерть каждой чувствовали остальные. И неслись назад, стараясь добраться

к семье, ведомые инстинктом и зародышами чувств. Мыслящие половины вестниц не могли по-другому.

— Проводник, ты отправишься в свою вотчину, в Похвистнево. Бледный и Блэкджек — к Абдулино. Остальные должны ждать у Бавлов... без выкрутасов!

Ваша цель доберется в одну из этих точек. Молодая женщина, сильная, умелая. Евгения Уколова, старший лейтенант СБ коммунистов. Наемник с каким-то странным именем. Девчонка по имени Дарья. И еще один человек, Пуля. Ты, Ласка, его знаешь? Это ведь он поймал тебя у Стерлика и продал Борменталю? Его сложно не узнать. С ним настоящий самородок. Кот-мутант по имени Саблезуб. Он и девчонка нужны мне живыми. Хотя нет, мне нужна только девочка. Если притащите мне кота и лейтенанта, то... премия. Бонус. Профилактическая процедура вне очереди. Поняли?

Стоящие перед ним кивнули. Процедуру каждый получал раз в полгода. И еще одна? Любой из-за нее сделает что угодно. Хозяин усмехнулся, так и оставаясь в тени.

Он гений. Он просто Бог для этих искореженных Войной тел. Век мутанта чаще всего короток. А если помочь ему стать короче, и потом давать им возможность жить за счет обновления организма, и подавать это как благословение... Это могущество. Самое настоящее могущество.

— Идите. Времени в обрез. Неделя, не больше. И запомните, девочку — только живой. Да, она не просто девочка. На всякий случай, Борменталь, выдайте каждому по транквилизатору, а лучше — по три. Вырубите ее и потом занимайтесь остальными.

— Почему? — прогудел Минос.

Хозяин вздохнул. В здоровяке замечательно слились воедино два чудесных качества: сила и послушание. Вот только попутчиком последнего стала тупость. Зачем, почему...

Но стоило ответить. Его могущество стояло на их плечах. Терять бойцов жаль.

— Потому что она, как мне кажется, запросто сможет вскипятить мозг каждому из вас. Даже тем, у кого они отсутствуют. Идите. Надоели.

Дверь закрылась. Котенок, идущий последним, облизнулся. Здесь уже можно жрать. Вестница слабо дернулась, когда зубы прокусили шею рабочей головы. И все.

Преследователи

— Живой...

Живой? Клыч не мог пошевелиться. От поясницы и выше не чувствовал тела. А кто его искал? Голоса незнакомые.

Когда зашуршало и начало тяжело валиться по бокам, понял. Разрывы снарядов чертова танка, вот чего. Завалило землей, не пошевелишься. Плохо, что сказать.

Его подняли на ноги, отряхнули, дали воды. Ну, и по почкам, да пару раз — под дых. Не особо зло, скорее профилактически. Вытащили «маузер», чуть присвистнув. И даже перетянули плечо. Потом, чего уж тут, стянули руки наручниками. За спиной.

Клыч кашлянул, выплевывая сухую, как ни странно, пыль. Скрипеть зубами или выть от боли Антон не собирался. Хрена вам лысого, утырки.

— Вперед. — Ну да, а куда ж еще-то? — Дернешься, сломаю ногу.

А вот не звезды, ломает, жди, как же. На кой же вы меня вытаскивали?

Клыч шел вперед, мимо развороченных попаданиями остатков собственных тачанок, чадивших корпусов лагеря, тел своих людей. И очень хотел знать — как же так вышло, что их тут накрошено немало, но и ушло-то прилично? Себя не обманешь, личный состав Клыч помнил полностью, всех до единого. И наблюдал сейчас едва ли шестьдесят процентов. А еще крайне интересовало: какая гнида его тут бросила?

Левое плечо остро дергало болью. Ну да. Ему ж вынесло кусок мяса пулей, как еще-то? Кровь вроде спеклась. Пальто жалко. Хотя дело наживное. Каблуки простучали по подпрыгивающим доскам пола. Надо же, один корпус уцелел.

— Майор, вот он.

Клыч отвлекся от мыслей, осматриваясь. Первый выжил. Того переговорщика, Второго, прошло очередями. Это Клыч запомнил, даже отлетая после появления новой дырки в собственном организме.

— Посадите его на стул.

Баба. Клыч сел, старательно рассматривая главную личность у крутых ребят. Злость внутри колыхалась, но теперь, наконец-то, персонифицировалась. Вот она, главная причина его текущего положения. Вторая главная причина — это клятый и гребаный башкир с котом. Две главные причины ненависти. Хорошо. Теперь есть ради чего жить.

— Как вас зовут?

Клыч успел рассмотреть повязку у нее на бедре. Оценил лицо, обмундирование, экипировку. Лицо не только с морщинками, ими сейчас никого не удивишь сразу после двадцати. На лице имелись шрамы. Осколочные, один от ножа и даже от пули в упор. Экипировка и обмундирование — клевые, не отнять, пусть ношенные и даже аккуратно залатанные в одном месте. Совсем недавно. Но потертая «цифра» не так говорила об опыте бабы, как ее разгрузка и все имеющиеся ремни. Использует она их немало, не меняет, бережет. Бзик, небось, какой-то.

— Как вас зовут?

Раздражать ее смысла не было.

— Антон Анатольевич Клыч. А вас?

Она смотрела на него, как на вещь. Клыч начал злиться. Это его прерогатива — так смотреть на допрашиваемых.

— Можете обращаться ко мне — майор. Опущу госпожа или товарищ.

Клыч кивнул. Польстило? Польстило.

Баба красивая. Даже что зуба не хватает с одной стороны, не портит. Сивые волосы, пусть и короткие, но зато по-настоящему светлые-светлые. Глаза голубые, с синевой. Полные губы и подбородок... Клыч даже пошевелил носом от удовольствия, рассматривая ее подбородок. Волевой, крепкий, с ямочкой... весь из себя романтичный.

Она кивнула на «маузер», лежащий в интересной компании с каким-то длинным твердым хлыстом.

— Интересный выбор. Почему такой раритет?

Клыч пожал плечами.

— Он мне нравится.

Майор не прокомментировала. Вообще-то Клыч подозревал, что чаще всего разговоры с пленными у нее строятся по-другому. Уж точно без обмена любезностями и заинтересованностью в предрасположенности к тому или иному оружию. Почему сейчас не так? Леший ее знает.

Устала, ранена, да чего там, уважает его как противника. Хотя в это верилось с трудом.

— Что вы делали здесь?

Клыч скривил губы, прикусил нижнюю. Сейчас, после боя, после ранения, после земли, завалившей его, причина казалась совершенно другой, чем в самом начале. Или следствие? Факт — он сам виноват во всем. И отряд полностью гнать не стоило. И с этими драться — тоже. Ненависть к Пуле никак не могла сравниться с жадностью его бывших ребят, увидевших такую возможность поживиться. И он, дурак, сразу не смог взять все под контроль.

— Шли за моим личным врагом. Башкир, звать Пуля. А уж потом появились ваши двое. Сдается мне, майор, что у них тут точка randevu.

— Башкир?

— Натуральный, — Клыч откинулся на спинку стула. Неудобно, но репутация страдает, если сидеть, нагнувшись вперед. Рабски как-то, слабо. — С самой республики. С ним должна была быть девка, оттуда же. Целый старший лейтенант Евгения Уколова. Так на жетоне написали, читал сам.

Майор щелкнула пальцами правой руки, обтянутой лайковой черной кожей. Дорогие перчаточки по нынешним временам. В проеме за спиной Клыча тут же скрипнуло.

— Позови Седьмую. Но сперва ко мне Восьмого, прямо сейчас.

Клыч дернул верхней губой, оскаливаясь. Ишь, как оно здесь все. Ни имен, ни фамилий, ни прозвищ. Четко до рвоты.

— Внесем ясность, — майор взяла в руки «маузер», — чтобы разговор дальше строился только конструктивно.

— Майор, — Клыч скрипнул зубами, — если так сильно хочется конструктива, положите мой пистолет... Пожалуйста.

— Даже так? — майор изогнула плавную светлую бровь. — Ваша личная игрушка?

— Моя, — Клыч проследил, как сталь тяжело стукнула об столешницу. — Маленькая невинная причуда. В случае конструктивного решения возникших у вас, майор, вопросов, надеюсь увидеть его у себя. Пусть и незаряженным.

Майор не ответила. Смотрела на него, мерзко улыбаясь своими красивыми губами, молчала. Сзади скрипнуло — тяжело, по-медвежьи. Когда хозяин такой массы остановился за Клычом, тот не услышал. Такое умение внушало уважение.

— Расстегни ему руки, — майор кивнула невидимому «медведю». — И останься с нами.

Наручники щелкнули тут же. Клыч довольно начал растирать запястья. Покосился назад. Ну, что сказать? Против такой меры предосторожности, услышав, как тот двигается, не стоит и пробовать что-то придумывать.

Невысокий. Кубический. Ручищи — что твои ноги. Предплечья — как два у самого Клыча. Оружия немного, явно только нужное. М-да. Охранник, что сказать еще.

— Я немного ранена, — майор улыбнулась. Так ласково и нежно, что скрытые за улыбкой обещания жуткой смерти в случае неподчинения Клыч проглотил легко и свободно. — Поэтому есть потребность в Восьмом. Заходи.

Зашла. Клыч посмотрел на новую личность. Высокую и сухую женщину со стертой семеркой на наплечном защитном щитке. Ладно, опыт не пропьешь, видно — баба. Маски эти...

— Что нашли на берегу?

— Практически ничего. Снег закрыл все следы, — Седьмая говорила глухо, посапывая недавно сломанным носом. — Собаку. На ошейнике написано «Инесса Арманд». Убита каким-то животным.

— Не каким-то, — Клыч вздохнул, — а котом. Его следов не нашли?

— Майор? — Седьмая посмотрела на блондинку. — Ответь.

— Рядом с телом следы есть. Потом обрываются. Но не совсем у берега. Скорее, недалеко от лагеря.

Клыч мотнул головой.

— Моя бедная собачка... хороших тебе костей и живого гуляша в песьем раю. Послушайте... майор. Не знаю, зачем нужен вам в качестве пленного, но подозреваю, что не просто для разговора. Хочу предложить вам помощь. В обмен на помощь с вашей стороны.

— Конструктивный диалог? — майор снова изогнула бровь. — Вы уверены, Клыч, что могу получить вашу помощь только так?

Клыч оскалился.

— Нормальную помощь — только так. А все остальное будет ерундой. Чем ты меня удивишь, военная? Болью? Поверь, не боюсь. Буду орать, буду просить прикончить, но не скажу ничего необходимого. А вот если поможешь догнать Пулю, шлепнуть его, тогда помогу.

— На «ты»? Хорошо. Меня не интересует твой Пуля, — майор постучала пальцами по столу. — Но ход твоих мыслей мне нравится. В округе есть собаки? Охотничьи, что могут идти по следу?

Клыч улыбнулся еще довольнее.

— Как же не быть. Не особо и далеко. Добраться только надо быстрее. Время не ждет.

— Пройдите вдоль берега до наступления темноты, насколько сможете, — майор посмотрела на Седьмую. — Проверьте людей, раненых — в грузовики. Остальных — на броню, если надо. Собрать все боеприпасы, исключить машины с серьезными поломками и взорвать. Выделить группу на «Выдре», с ней я сама отправлюсь с... Клычком за собаками. Назначаешься командиром первого взвода. Командиром второго назначается Шестой, так и передай.

— Майор? — Клыч почесал подбородок с уже выступившей щетиной.

— Что?

— Мне бы моего друга. Без него неуютно.

— Не слишком рано расслабился?

Клыч встретился с ней взглядом. Глаза в глаза. Отступать перед ней он не собирался.

Несколько раз ему попадались в руки старые книги. Нет, книжки. Ничему не научат, но развлекут. Вот там герои, прям постоянно, так и видели в чужих глазах то одно, то другое.

Опасность, расположение, страх, любовь. Ну, кто что, в общем. Клыча это весьма позабавило в свое время. Он даже провел небольшой эксперимент. Вернее, серию. Все пытался рассмотреть оттенки чувств в глазах. Не получилось. Даже когда объект испытания понял, что его поджарят, в самих глазах Клыч ничего не увидел. Ну, вылупились они, выкатившись просто непотребно. Пахло еще не очень, вот и все.

В женщине напротив Клыч не сомневался. Ни в ее способностях, ни в методах. Так что, будь он чуть романтичнее... или глупее, то увидел бы что-то. Монолит уверенности в себе. Холод по отношению к чужой жизни. Сталь несгибаемой верности цели. Все оттенки силы воли в ее небесно-лазурных глазах. Но романтиком он себя не считал. А уж дураком — тем более.

— Не рано, — позволил себе откинуться на спинку и вести себя свободнее, — полагаю, что, во всяком случае, еще немалое количество времени буду нужен как союзник.

— Причина? — а вот голос, в отличие от глаз, отражает куда больше оттенков чувств и прочего. В ее голосе, вместе с сарказмом, Клыч легко уловил недовольство, усталость и желание выпустить ему мозги. Выстрелом из его же собственного оружия.

Стоило задуматься. Жизнь Клыч ценил больше всего.